

Шаблоны критиков

(Цикличность художественного образа в поэзии Александра Имярека)

Тот, кто знаком с творчеством поэта Александра Имярека, не может не отметить присущие его стиху чёткость, чеканность, особые звукопись и гармонию. Плавное перетекание ритма из строки в строку, мелодика, пластика рифм достигаются автором не только благодаря точному следованию технике стихосложения и метафоричности мысли, но и благодаря особенным, одному ему присущим приемам последовательного развития и разнообразия однажды использованного художественного образа в своих более поздних произведениях. Налицо попытка создания целостной циклической системы художественного образа в рамках имеющихся у поэта изобразительных средств и словарного запаса. Как известно, в центре художественного образа стоит изображение человеческой жизни, показанное в индивидуализированной форме, но, в то же время, несущей в себе обобщённое начало, за которым угадываются те закономерности жизненного процесса, которые формируют людей именно такого типа:

Ведь Вы решительно хотели,
чтоб я Вас бросил, изменя,
но Вы ошиблись, в самом деле,
какой изменник из меня.

Этим четверостишием открывается первая авторская книга А. Имярека «Високосный февраль» (1991). Его герой, по большей части, чужд глупых треволнений и надуманных проблем. Мерное течение жизни, в которой есть место любому делу, - вот стезя, которую он выбирает. Это поэтическое кредо отчётливо прослеживается во всём дальнейшем творчестве Имярека. В самом деле, цикличность авторского подхода можно встретить уже в самой цепочке названий его книг, следующих друг за другом: «Високосный февраль», «Мартослов», «Капризная акварель», «Май-помазанец», «Июнье», «Июль-однолюб», «Вчерашние верлибры августа»... Вы однозначно улавливаете месяцы календарного года, выстраивающиеся по порядку и образующие годовой цикл. Правда, до его завершения ещё далеко, но у Имярека достаточно на этого времени. Он не спешит. Конечно, Имярек – он и есть Имярек. Т.е., этот текст можно отнести к любому поэту, даже к суперграфоману. В данном случае, следует заменить «Имярек» на «Раткевич», тогда получится точное соответствие тексту Олега Зайцева, поэта, критика, председателя писательского союза «Полоцкая ветвь», опубликованного тиражом в двести пятьдесят экземпляров в книге «Авторский знак» (сборник статей по критике и литературоведению), Минск, «Литературный свет», 2013.

Я не знаком с поэзией Александра Раткевича, но слышал довольно не лестные отзывы о его творчестве. Вот и сейчас, О. Зайцев старается, как я понимаю, показать наиболее интересные и беспроблемные места в творчестве поэта. Но это не удается сделать. Не думаю, что Олег сознательно выставляет напоказ огрехи А. Раткевича, своего двойного коллеги – председателя и поэта.

Есть поэты, зацикленные на рифме из набора слов, схожих в произношении, но не в написании. Это некая мания, считаю. Отсюда получилось то, что получилось: изменя-из меня. Сильная находка, не правда ли? Это типа лекарства «Ибуфен». Или «Я и Буся на крыше».

Из заглавия статьи О. Зайцева можно понять, что А. Раткевич таскает один и тот же образ из стихотворения в стихотворение – «цикличность образа» (вообще, слово «цикличность» относится к процессам, явлениям). Т.е., образ получается какой-то зацикленный. На чем же?

Критик, говоря о произведениях автора, отмечает «лирического двойника» поэта. Вероятно, автор, его судьба, присутствуют незримо в стихотворениях. Это не новость – практически каждый писатель либо вставляет в произведения свои автобиографические данные, либо пропускает через свою психику придуманное. Даже в фантастических произведениях. И что же делает «двойник» в произведениях? Да он одинок и нет рядом девушки по имени Любовь.

Мне помнятся Ваши руки,
когда они в танце ласкали и пели,
казалось, всё это на самом деле
неизменимо вовек.
Теперь вот погиб человек.
Ваш муж...

... от тела, что я обнимаю несмело,
уже не найти и круплицу немую.
Уже не найти, как и меру вины,
что я не любя, не жалеючи даже
ласкал твоё тихо-лимонное тело.

Это не могу не прокомментировать. У А. Раткевича, как следует из приведенных цитат, нет чувства согласования событий или описаний. Вот, например, «тихо-лимонное тело». Конечно, «громко-картофельное» похуже будет, но картофель ближе к нам, чем лимон.

Или вот интересное – «одичавшие листья». А руки, которые «ласкают и поют»? Кому они ласкали и кому пели?

В следующей цитате вообще шарада:

Ты никудышная жена,
но ты прекрасная любовница.
Ты страстью вновь поражена,
и вновь - невинна и виновница.

Невинна в мужниной тоске,
ему постель - предел желания...

Чего не хватает этому парню? Котлеток по-киевски, борща, пельменей?.. А ведь он любовник, секач – «ему постель – предел желания», а она «прекрасная любовница».

Вот еще загадка:

Мне обоюдность — как онуча,
потливый дарящая яд.
Скрипуча жизнь, кровать скрипуча,
когда нелюбящие спят.

«Потливый яд» - это оригинально. Я так понимаю – если яд вспотеет, он уже не яд. Ну и герою не нравится обоюдность, т.е., в том числе и секс. Поэтому кровать скрипит от того, что кто-то часто переворачивается на ней, а не от секса.

Срыв логики или соответствия в предложениях говорит о многом. Собственно, о состоянии психики пишущего.

Сам себя удержать пытаюсь,
чтобы в холоде не испечься.
Дорогая, я охлаждаюсь,
чтобы вновь от тебя зажечься.

Первые две строки уже напрягают. Ну, допустим, герой хочет заняться сексом с кем-то в неотапливаемом помещении зимой. Это знакомая картина. Но вот далее:

Дорогая, я охлаждаюсь,

чтобы вновь от тебя зажечься.

По-моему, правильно – «охлаждаюсь, чтобы согреться». И в данном случае могло бы прозвучать примерно следующее –

Дорогая, совсем я гасну,
От тебя чтобы вновь зажечься.

«В холоде испечься», «охлаждаюсь, чтобы зажечься» - это мне напоминает песенку, которую мы, пацаны, пели под гитару в молодости:

«Была весна, цвели дрова и пели лошади,
Верблюд задумчиво вел свой аэроплан.
Он опустил на бамбуковое дерево,
А сам пошел гулять в ростовский ресторан...»

В таком жанре можно все, что угодно, но у А. Раткевича, как я понимаю, не шутовская поэзия. Следующее тоже интересно -

Кому нужна ты, молодость моя?..
Ты на поляне майской проплясала,
вдруг потеряв в траве среди репья
угасших лет остывшее кресало;

Если кто-то не понял, расскажу: в мае нет еще репья. «Репье» я понимаю – репейник в своем расцвете, с «дедами» - зрелыми соцветиями, цепляющимися за одежду. На такой поляне и присесть невозможно, понятное дело. С кресалом тоже я что-то не понял. Оно что, было постоянно горячим и потом остыло? Несвязная речь в быту называется «бред», независимо от того, где она встречается. В современных стихотворениях такая речь встречается часто.

Ты жестом руки намекнула случайно,
что нету измен, а есть доброта,
в которой струится не сон молочайный,
а взор и надежда - святая чета.

«Молочайный сон» - это довольно оригинально. Молочай у меня ассоциируется со спермой рыбы-самца и с растением, но никак не со сном. А как можно связать «взор» и «надежду» или «измены» и «доброту»? Это какая-то галиматья. Вообще, даже глухонемой одним жестом не передаст столько информации, сколько передала героиня. Подобного в предъявленных цитатах из стихов А. Раткевича предостаточно.

Я верю в это, молча теребя
бокала ножку, понимая стыло...

Что можно теребить? Правильно, все, что теребится, т.е., мягкое, гибкое... А как можно теребить ножку бокала? И что такое «понимать стыло»? Вот критика (положительный отзыв) О. Зайцева поэзии А. Раткевича подошла к концу.

Итак, что же мы видим (ощущаем) в конечном счёте, проанализировав пять книг из цикла под нашим условным названием «Пора года»? Логическая связка, сотканная автором из разнообразных ипостасей межличностных отношений, отчётливым лейтмотивом проходит сквозь все его поэтические книги: ревность («Високосный февраль»), измена («Мартослов»), сожаление («Капризная акварель»), примирение («Май-помазанец»), возвышенная плотская страсть

(«Июнье») ... Думается, эту цепочку можно продолжить, что и постарается сделать Раткевич в своих последующих книгах, ведь стремление к построению стройной системы, в основе которой и заложена цикличность, живёт в подсознании поэта и руководит его вдохновением... - заключает критик.

Не «мы», а «вы», уважаемый критик, так ощущаете поэзию Александра Раткевича. Я лишь убедился в иной ипостаси творчества автора. Никакой логической связки в его произведениях нет, и не может быть, как и нет единого цикличного образа. Разве что сам автор присутствует в произведениях, но он совершенно не цикличен (это не относится к порам года), а динамичен или застоек в своем одиночестве и безответной любви...

Конечно, по отрывкам стихотворений можно составить лишь некоторое представление о творчестве поэта. Возможно, у А. Раткевича имеются безупречные стихотворения. Я приведу лишь одно найденное полностью. Оцените сами его.

МУЗЫКА НЕБЕС

На губной гармошке месяца
я сыграю, чтоб для вас
неба музыка-кудесница
засверкала, как алмаз.

Бубенцовой звёздной нежностью
всколыхну ночную гладь,
чтобы с тайной неизбежностью
в душах ваших зазвучать.

Одиноких туч мелодию
сквозь небесную парчу
в скрипки пламень превращу,
и волшебную рапсодию
перед вами расплещу.

Колокольный звон созвездия,
не убитый темнотой,
как палящая поэзия,
вас насытит теплотой.

Струи розового всполоха,
словно стройный звукоряд,
над тоской земного шороха
вам гитарой зазвонят.

А заря, сестрица младшая
рос, пророчащих восход,
флейтой утра запоёт,
и ночная тьма увядшая
лепестками опадёт.
1976

А следующее – это магия, я ее часто притягиваю. Вот обнаружил в последний момент:

ПЕРЕПЛАВКА

Мы дети Бронзового века.

Во мне меня давили век.
Как на болванке человека,
на мне отлито: имярек.

Мы имениты и безличны.
Не счистить бронзовую ржу.
Как брак, отточенный отлично,
на переплавку ухожу.

1989

<http://www.litkritika.by/categories/literatura/otzyivyi/1745.html>

2014